

ВЛАДИМИР ДАВЫДОВ

СЕДЬМОЕ НЕБО

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ СО ДНА ПАРИЖА

По мотивам культовой бродвейской пьесы
«Седьмое небо» (7th Heaven)
драматурга Остина Стронга

Экранизация пьесы:
5 номинаций на премию «Оскар»
3 награды в 1929 году

Владимир Давыдов

Седьмое небо

«Автор»

2026

Давыдов В.

Седьмое небо / В. Давыдов — «Автор», 2026

«Седьмое небо» (англ. 7th Heaven) — культовая бродвейская пьеса драматурга Остина Стронга, премьера которой суммарно насчитала более 700 триумфальных представлений и легла в основу шедевров мирового кинематографа. Действие разворачивается в Париже в годы Первой мировой войны. Главный герой Чико — циничный с виду уличный уборщик и романтик, заявляющий всем, что он «необыкновенный человек». Случайно столкнувшись с молодой девушкой Дианой, избиваемой жестокой сестрой, он прячет её на верхнем этаже парижского многоквартирного дома (в мансарде, которую они называют «седьмым небом»). Пьеса мастерски сочетает элементы трогательной социальной драмы и высокой романтики. Развитие отношений между циничным скептиком и запуганной девушкой разворачивается на фоне надвигающейся войны, разлуки и тяжёлых испытаний. Это гимн человеческому достоинству, силе духа и любви, способной преодолеть любые преграды и поднять героев над мраком повседневности.

© Давыдов В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Давыдов Седьмое небо

Предисловие переводчика

Есть особая, почти щемящая меланхолия в том, чтобы открывать заново тексты, десятилетиями занесенные пылью в забытых архивах и библиотечных подвалах. Когда впервые сталкиваешься с пьесой Остина Стронга, неизбежно возникает ощущение, будто сквозь плотную завесу осеннего парижского тумана до тебя доносится обрывок чужого, но удивительно живого разговора, услышанного из приоткрытого окна старого кабачка. Это литература особого толка — литература изнанки, где за фасадами респектабельных бульваров и сияющими витринами скрывается совсем другая, изломанная, суровая и вместе с тем пронзительно поэтичная жизнь.

Перевод подобных произведений на русский язык — задача не столько филологическая, сколько археологическая. Здесь мало просто перенести слова из одного лексического ряда в другой; необходимо бережно, строка за строкой, воссоздать саму фактуру воздуха, которым дышали герои. Этот воздух густ, он насквозь пропитан запахом дешевого табака, сыростью парижских сточных канав, гарью угольных печей и тем специфическим отчаянием, с которым люди пытаются ухватиться за призрачную надежду на дне огромного, равнодушного к чужим бедам мегаполиса.

Остин Стронг обладал удивительным даром театрального видения: его ремарки читаются как готовые полотна импрессионистов, где каждый мазок кисти — будь то блеклый свет керосинового фонаря, засаленный алый жилет старого извозчика или мрачные тени готических контрфорсов — работает на создание единой, непрерывной атмосферы. Переводчику оставалось лишь одно: не испортить этот хрупкий внутренний ритм, сохранив шероховатость разговорной речи парижского дна и в то же время не растеряв ту подлинную литературную глубину, которая превращает камерную зарисовку в настоящий срез эпохи.

Пусть же эта книга станет для читателя тем самым черным экипажем с зашторенными окнами, который увозит нас из безопасного настоящего в зловещие, но притягательные лабиринты старого Парижа. Добро пожаловать на дно.

Владимир Давыдов

Главные герои

Литературные портреты героев романа «Седьмое небо».

1. Чико — «Невероятный малый»

Возраст и внешность: Около 25–28 лет. Крепкое, жилистое телосложение человека физического труда — сказывается работа в парижской канализации. Обветренное лицо, цепкий и насмешливый взгляд из-под кепки, легкая небрежность в одежде, но при этом безусловная гордость в осанке. Он не красавец из салонов, но от него исходит мощная энергетика жителя парижского дна.

Социальное положение и профессия: Работник парижской канализации. Живёт в крошечной мансарде на седьмом этаже и мечтает получить работу наверху — стать уличным поливальщиком.

Характер и психологический портрет:

Бравада и гордость: Чико страшно одинок, но прикрывает это иронией и бравадой. Он обожает повторять, что он «невероятный малый», подчеркивая свою исключительность даже посреди парижской грязи.

Отношение к вере: В начале истории Чико называет себя атеистом и спорит со священником. За его бравадой стоит вера в собственное достоинство. Любовь к Даяне постепенно меняет его отношение к людям и к Богу.

Цинизм с золотым сердцем: На людях он дерзок, грубоват и может отчитать кого угодно, но за этой защитной оболочкой скрывается ранимая душа и способность к самопожертвованию.

Арка персонажа: От одинокого циника и бахвала, живущего одним днем, через заботу о Даяне он превращается в преданного мужа, мужчину, способного на глубокую любовь и подлинный героизм на фронте.

2. Даяна — «Девочка из преисподней»

Возраст и внешность: Около 19–22 лет. Хрупкая, худая, с огромными испуганными глазами, в которых застыла хроническая тревога. Одета в дешевое, заношенное платье, волосы

спутаны от постоянных слез и дождя. Её красота скрыта под слоем страха и истощения, но по мере того, как она попадает в атмосферу безопасности, её внешность преобразается.

Социальное положение и профессия: Швея, оставшаяся без постоянной работы и находящаяся под властью старшей сестры. Позднее зарабатывает шитьём, а во время войны поступает на завод.

Характер и психологический портрет:

Запуганность и покорность: Годами живя под гнетом жестокой сестры Наны, Даяна привыкла к ударам, унижениям и беспрекословному подчинению. Она разучилась верить в добро и ждет подвоха от каждого слова.

Внутренняя чистота: Несмотря на грязь улицы и ад дома, она сохранила чистую душу, не озлобилась на мир, а лишь замкнулась в себе.

Жажда спасения: В глубине души она отчаянно хочет тепла, защиты и простого человеческого уважения. Когда Чико спасает её, она цепляется за него не просто как за спасителя, а как за проводника в другой, светлый мир.

Арка персонажа: От забитого, дрожащего от каждого шороха существа через испытания в мансарде и разлуку на войне она вырастает в сильную, гордую женщину, готовую ждать мужа и работать на износ ради их общего будущего.

3. Второстепенные персонажи (для фона и объема)

Нана — сестра Даяны: Воплощение уличной жестокости и домашней тирании. Грубая, прагматичная, озлобленная нищетой женщина, для которой Даяна — лишь обуза и объект для вымещения злости.

Отец Шевийон — священник парижского квартала: Помогает людям найти работу и поддерживает Чико и Даяну. Его доброта проявляется прежде всего в поступках.

Максимилиан Гобен — сосед и уличный поливальщик: Поначалу свысока смотрит на Чико, но постепенно становится его товарищем. Уходит на войну, возвращается без правой руки и учится заново жить с женой и сыном.

География парижского дна и света: Основные места обитания героев

Каждый персонаж этой истории неразрывно связан со своим пространством — будь то удушливый мрак подземных коллекторов или холодный блеск мраморных лестниц. Пространство здесь выступает не просто фоном, а полноправным участником действия, формирующим характеры, привычки и судьбы героев.

1. Тупик «Дыра в чулке» и кабачок «Пасть»

Обитатели: Буль, Арлетт, Канализационная Крыса, а также временами Нана и Даяна до своего бегства.

Атмосфера и детали: Сердце трущоб, тупик на самом дне Парижа, где облупленные стены руин соседствуют с вечной сыростью и запахом тления. Центр притяжения здесь — кабачок «Пасть», пьяно кренящийся набок и пропахший кислым вином, дешевым табаком и гарью. У его крыльца вечно возится со своей капризной «Элоизой» старый извозчик Буль. Мостовая здесь разбита, усеяна угольной пылью из бочки у серого дома, а в сточных канавах угадывается дыхание подземных труб. Это пространство грубой, хмельной и опасной уличной жизни, где выживают по законам волчьей стаи.

2. Подземные лабиринты и коллекторы Парижа

Обитатели: Чико, Канализационная Крыса.

Атмосфера и детали: Изнанка столицы — влажные кирпичные своды, тёмные стоки, запах ила и сырости. Здесь слышны капель, шум воды и крысиная возня. Для Чико канализация — место тяжёлой работы, а его дом находится высоко над улицами, в мансарде на седьмом этаже.

3. Церковь Небесных Ангелов

Обитатели: Отец Шевийон, случайные заблудшие души.

Атмосфера и детали: Одинокий остров света и запыленной святости, зажатый между мрачными трущобами и подземными провалами. Ее циклопические стены и массивные контрфорсы опутаны тяжелыми железными решетками, защищающими храм от внешнего распада. Внутри пахнет ладаном, воском и старыми церковными фолиантами. Под ее сводами время словно замедляет свой ход, а тусклый свет неугасимых лампад и витражей создает резкий контраст с уличным мраком, предлагая единственное в этом тупике убежище для совести и надежды.

4. Серый дом с заколоченными окнами

Обитатели: Нана и Даяна Вульмир до ухода Даяны к Чико.

Атмосфера и детали: Серый дом с закрытыми окнами, обветшалыми ступенями и железными перилами. С этим местом связаны бедность сестёр и страх Даяны перед Наной. Уход из этого дома становится для Даяны началом другой жизни.

5. Отель «Сент-Рок» (улица Комартен)

Связанные с этим местом герои: Жорж и Валентина Вульмир, адвокат Блонд. Здесь предполагалось устроить встречу родственников с Наной и Даяной, однако они встретились раньше — в тупике.

Атмосфера и детали: Отель представляет обеспеченный Париж, который так мало знаком обитателям тупика. Бриссак предлагает встретиться здесь, чтобы девушки могли подготовиться к приезду родственников. Для Даяны возможность такого перехода связана с надеждой на новую жизнь.

Глава 1. Дыра в чулке

Буль повернул заводную ручку ещё раз. Мотор кашлянул и умолк.

Он остался стоять согнувшись, прислушиваясь. Иногда машине требовалось время, чтобы решить, станет ли она сегодня работать. Буль позволял ей эту маленькую слабость, хотя себе давно уже ничего подобного позволить не мог.

За спиной скрипнули подошвы.

— Не заводится? — спросил сержант.

Буль медленно выпрямился. Полицейский смотрел на него с участием человека, которому не предстояло ни крутить ручку, ни платить за починку.

— Заводится. Я просто упражняюсь.

Сержант смерил его взглядом и пошёл дальше.

Дождавшись, пока шаги стихнут, Буль снова взялся за ручку. На этот раз двигатель затахтел. Извозчик поспешил к сиденью, но едва успел ухватиться за руль, как под капотом что-то хлопнуло.

В тупике стало тихо.

Буль поднял капот. Искра обожгла ему щёку.

— Благодарю, — сказал он.

Из кабачка выскользнул человек по прозвищу Канализационная Крыса. Холщовый узелок он держал бережно, обеими руками, а к люку направился с той поспешностью, которая всегда выдавала его раньше любого свидетеля.

Крышку он уже приподнял, когда дверь кабачка распахнулась снова.

— Стой!

Арлетт настигла его у самого отверстия. Ухватила за ворот и потянула назад. Крыса запрокинул голову; ноги его продолжали искать ступеньку под землёй.

— Я заплатил за выпивку!

— А бутылка?

— Какая бутылка?

Арлетт дала ему пощёчину.

Буль опустил капот. Починка могла подождать.

— Я видела тебя в зеркало, — сказала девушка. — Отдавай.

Крыса попытался освободить ворот. Арлетт держала крепко.

— Зови полицию, если хочешь!

— Полиция!

— Тихе! — Он сразу перестал вырываться. — Зачем же так кричать?

Буль подошёл и вмешался прежде, чем она успела позвать снова.

— Отдай даме бутылку.

Крыса поглядел на него с обидой, потом полез под одежду. Арлетт выхватила добычу.

— А ты старый вор ему под стать, — сказала она Булю.

Тот не возразил. Спорить с девушкой, у которой в руках бутылка, было неразумно.

Когда дверь за ней закрылась, Крыса осторожно поправил ворот. Оба некоторое время смотрели на кабачок.

— Что в узелке? — спросил Буль.

— Ужин Чико. Можно мне поесть с вами?

— Тебя не приглашали.

Крыса оглянулся. Затем, заслонившись спиной от двери, достал вторую бутылку.

Буль быстро прикрыл её полрой пальто.

— Осторожнее, дурень.

Он посмотрел на вино, потом на Крысу. Лицо его смягчилось.

— Приходи.

Крыса исчез под землёй. Крышка люка легла на место, вытолкнув последний вздох тёплой сырости. Буль сунул бутылку в машину и вытер руки о красный жилет.

Вечерний свет ещё держался на верхних этажах, но сюда уже не доходил. Тупик называли «Дырой в чулке». Кто первым дал ему это имя, никто не помнил; зато каждый, кто здесь жил, мог показать, где именно чулок прохудился. Из водосточной трубы над серым домом сочилось даже в сухую погоду. Под церковной стеной не высыхала полоска зелёной слизи. У кабачка «Пасть» лежал камень, который качался под ногой и выбрасывал из щели грязную воду.

Арлетт знала этот камень и переступала через него, не глядя. Приезжие непременно наступали.

Из двери «Пасти» пахло вином, мокрой тряпкой и жареным луком. Над всем этим висел дым дешёвого табака; он входил в одежду и оставался с человеком после ухода. Буль иной раз узнавал пассажира по запаху, прежде чем тот называл адрес.

К площади вела узкая улица. Оттуда доносились колокольчик трамвая и стук копыт. Там можно было купить тёплый хлеб, увидеть освещённую витрину, столкнуться с женщиной, от которой пахло фиалками. Здесь хлеб заворачивали во вчерашнюю газету и берегли до вечера.

По тупику прошёл Гобен, волоча поливочный шланг на маленьких колёсах. Медные соединения звякали о мостовую. Из «Пасти» вышла Нана и задела его плечом.

— Смотри, куда идёшь.

Гобен отряхнул блузу. Усы его оставались безупречными при любой погоде.

Буль окликнул Нану и показал ей брошь, которую Крыса успел передать вместе с ужином.

— Сколько дадут?

Она поднесла стеклянный камень к последнему свету.

— Половина моя.

— Только сама отнеси. Младшую не посылай.

Нана посмотрела на него так, что он занялся капотом.

Через минуту из серого дома донёсся удар. Затем второй. Буль поднял голову.

Даяна появилась в дверях спиной вперёд и налетела на перила. Нана держала её за плечо.

— Возьмёшь и отнесёшь. Слышишь?

— Нана, пожалуйста. Не пей больше.

Извозчик замер с ведром в руке. Он отлично знал, что сейчас последует, и всё же надеялся, что на этот раз обойдётся.

Нана наклонилась к сестре и сказала что-то тихо. Даяна сразу перестала сопротивляться. Она спустилась по ступеням, прижимая к груди брошь.

Арлетт вышла ей навстречу.

— Дай сдачи хоть однажды.

— Я не могу.

— Почему?

Даяна сглотнула. Горло болело.

— Боюсь.

Арлетт поправила на ней платок. На другой стороне улицы Буль доливал воду в радиатор. Он хотел сказать девушке что-нибудь доброе, но Нана стояла в дверях и ждала.

Даяна ушла мимо церкви. Брошь она держала так крепко, что оправа оставила на ладони четыре маленькие вмятины.

Глава 2. Чужие перчатки

Чистые ботинки появились в тупике незадолго до колокола.

Сначала пришёл молодой человек с узким лицом. Он остановился перед такси, обвёл взглядом улицу и спросил Буля, давно ли тот здесь стоит.

— С утра.

— Здесь нельзя оставлять машину.

— Скажите ей. Она меня не слушает.

Молодой человек заглянул в кабачок. Арлетт перестала протирать стол.

— Полковник уже был?

— Сегодня нет.

— Будет. И ещё один господин. Поменьше разговоров, Арлетт.

— У нас за разговоры денег не берут, месье Рекан.

Он не улыбнулся. Арлетт дождалась, пока он отвернётся, и высунула язык ему вслед.

Полковник Бриссак явился с пожилым человеком в неудобном сюртуке. Тот держал портфель обеими руками, словно боялся, что у него отнимут не бумаги, а саму причину приезда. У качающегося камня он споткнулся. Бриссак успел поддержать его под локоть.

— Осторожнее, Блонд. Здесь даже мостовая испытывает людей.

Адвокат оглядел заколоченные окна.

— Вы уверены, что это они?

— Рекан проверил.

Молодой секретарь подал полковнику бумаги. Блонд потянулся к ним, но Бриссак задержал его руку.

— Сначала найдём девушек.

Блонд рассказывал, что Жорж Вульмир вернулся с женой после долгого отсутствия. Теперь у них были средства; детей не было. Он приехал искать племянниц и забрать их из Парижа. В этом рассказе всё располагалось удобно: богатый дядя, бедные сироты, встреча после разлуки. Только улица, на которой стояли собеседники, никак в него не помещалась.

Бриссак выслушал адвоката и позвал Нану.

Она спустилась не сразу. Под чёрной шалью была спрятана рука, другая держалась за перила. Полковник не сделал вида, что не заметил её состояния. Говорил он, однако, так, будто встретил вполне достойную женщину.

— Ваш дядя в Париже. Он хочет помочь вам и вашей сестре.

Нана сначала посмотрела на Блонда, потом на полковника.

— Нам?

— Вам обеим.

Она села. Буль, наблюдавший от машины, впервые увидел, как она не знает, куда деть руки.

Бриссак подал ей карточку отеля. Он хотел устроить встречу там: дать девушкам умыться, сменить одежду, позволить пожилым родственникам увидеть их вне этого тупика. Блонд отправился перехватить Вульмиров, а Рекан — разыскать Даяну.

Когда Нана ушла собираться, полковник остался у церковной стены. Буль видел, как он смотрит на серый дом. Во взгляде было любопытство, но не одно любопытство. Этот человек привык распоряжаться чужими затруднениями и, по-видимому, находил в этом удовольствие.

Вскоре из-за угла выскочил Крыса с часами в руке. Буль втолкнул его в такси. Следом прибежали сержант и маленький священник, у которого очки висели на одном ухе.

— Я поймаю вора! — уверял сержант.

— Да оставьте вы его, — говорил священник, держась за полицейский рукав. — Часы жестяные.

Буль почувствовал в кармане неприятную лёгкость.

Отец Шевийон покупал эти часы дюжинами. Воришка, решившийся украсть у священника, представлял для него особенный интерес: такого человека следовало накормить, найти

ему работу и только после этого поговорить о душе. Он объяснял свою систему с удовольствием, показывая запасные цепочки.

Бриссак открыл дверцу и извлёк Крысу за ухо.

— Вот ваш прихожанин.

— Как тебя зовут, сын мой?

— Пьер.

Буль удивился. Он столько лет знал Крысу и никогда не спрашивал.

— Где работаешь, Пьер?

— Внизу. С Чико.

Священник оживился. Этот Чико недавно вытащил его из-под колёс омнибуса. Отец Шейвйон переходил улицу с носом в книге и заметил опасность лишь тогда, когда чужая рука подняла его за ворот.

— Передай, чтобы зашёл ко мне. Мне есть чем его отблагодарить.

Крыса покосился на сутану.

— Он не любит священников.

— Тем интереснее будет наша беседа.

Даяна вернулась, когда фонарщик зажигал лампу. Она принесла Нане абсент; от бутылки в узелке исходил знакомый анисовый запах, от которого у неё начинало ныть под ложечкой.

Бриссак остановил девушку, назвал дядю. Она не сразу поняла.

— Дядя Жорж?

— Да. И тётя Валентина.

Даяна улыбнулась. Полковник видел, как лицо её меняется прежде, чем она успевает произнести ещё слово. Он взял её руку, заметил вмятины на ладони и осторожно отпустил.

— Они ждут вас.

Она побежала к дому. У ступеней пришлось остановиться: ноги вдруг ослабели от счастья.

В комнате Нана уже вытряхивала вещи из ящика. Бутылку она отставила, не откупорив.

— Слушай меня, — сказала она. — Ты ничего не говоришь. Всё расскажу я.

Даяна кивнула. В детстве тётя Валентина пахла сухой лавандой. Теперь она снова увидит тётю, и можно будет уткнуться лицом в её плечо.

За окном ударил колокол. Нана нашла расчёску и впервые за долгое время протянула её сестре без угрозы.

Глава 3. Суд у церковной стены

Блонд не успел остановить Вульмиров.

Они вошли в тупик со стороны церкви, споря о дороге. Спорил, впрочем, один Жорж. Валентина соглашалась с ним на каждом повороте.

— Я говорил, что нужно обойти храм.

— Да, дорогой.

— А этот старый болван велел ждать неизвестно где.

— Он хотел как лучше.

Даяна увидела их из дверей. Дядя был выше, чем сохранился в памяти, и гораздо старше. На руке у него осталось кольцо из черепахового панциря. Оно позволило ей узнать его окончательно.

— Тётя Валентина!

Тётя обернулась и раскрыла руки.

Когда Даяна прижалась к ней, пахнуло дорожной пылью, шерстяным платьем и лавандой. Она стояла неподвижно, боясь, что любое движение прервёт это возвращение. Валентина гладила её затылок и говорила: «Маленькая моя», хотя маленькой Даяна уже давно не была.

Жорж взял её за пальцы.

— Помнишь молитвы, которым я тебя учил?

— Помню.

— Хорошо. Значит, не всё забыто.

Нана появилась на ступенях. Волосы её были уложены; шаль скрывала порванный рукав. Она поклонилась дяде и заговорила раньше, чем он успел спросить.

Рассказывала она о работе, о трудностях, о младшей сестре, за которую приходилось отвечать. Почти каждое слово имело под собой что-нибудь настоящее. Работу они искали. Голодали. Нана действительно когда-то защищала Даяну. Дело было в том, что между этими правдивыми кусками зияли промежутки, куда теперь следовало никому не смотреть.

Даяна опустила голову. На тётином рукаве осталась пыль от её щеки.

— Мы верили в вас, — сказала Валентина. — Знали, что вы сохраните себя.

Нана сжала сестре руку.

Даяна хотела промолчать. Нужно было только промолчать, и они уедут. За углом ждали другие улицы, чистая постель, дверь, которую можно закрыть. Она ощутила эту возможность почти телом.

— Но мы не сохранили, — сказала она.

Нана впилась ногтями ей в запястье.

— Она всегда думает, что виновата. Вы не слушайте.

Жорж отпустил пальцы Даяны.

— Что ты сказала?

— Мы жили плохо, дядя.

Слова дались ей с трудом. Ей казалось, что признание нужно для того, чтобы потом можно было обнять друг друга по-настоящему.

Но лицо Жоржа уже изменилось.

Он не спросил, что с ними случилось. Не спросил, сколько раз они оставались без еды и почему никто не отвечал за двух девушек в этом доме. Он отступил на шаг. Даяна видела, как дядя смотрит на то место тётиного рукава, где осталась грязь.

— Я боялся этого, — сказал он.

Нана заговорила быстро. Валентина пыталась вставить слово. Даяна не слышала их: она следила за глазами дяди, ожидая, когда в них снова появится узнавание.

Жорж велел жене идти.

— Но это дети Эрнестины, — сказала Валентина.

Имя матери повисло между ними. На мгновение Даяне показалось, что оно всё остановит.

Дядя достал несколько банкнот и положил на бочку с золой.

— Пусть возьмут.

Валентина ещё раз коснулась лица племянницы. Жорж уже шёл к выходу. Она задержалась, но муж обернулся, и тётя последовала за ним.

Даяна села на скамью. В глубине церкви пробовали орган; низкая нота дрожала в стене у неё за спиной. Несколько минут назад ей казалось, что она вернулась в детство. Теперь она не могла понять, куда девалось то детство и было ли оно вообще.

Нана пересчитала деньги. Сложила их аккуратно, краями к краям, убрала за корсаж.

Только после этого повернулась.

— Встань.

Даяна подняла глаза.

— Нана...

— Встань, я сказала.

Она могла бы вскочить и побежать. До улицы было не больше тридцати шагов. Однако тело её помнило, что бегство кончается ударом, и заранее отказалось ей служить.

Нана подошла. Запах абсента теперь чувствовался отчётливо.

— Всё отняла, — сказала она.

Первый толчок сбросил Даяну со скамьи. Она ударилась затылком о камень. Нана опустилась следом и стиснула ей горло.

Буль выбежал из «Пасти». Он тянул Нану за плечи, ругался, звал на помощь. Даяна слышала его как сквозь закрытую дверь. На лице её лежал край сестриной шали, пахнувший табаком. Она пыталась отодвинуть его, чтобы хотя бы увидеть небо.

Рядом заскрежетало железо.

Крышка люка поднялась изнутри. Чико выбрался на мостовую, ещё улыбаясь какой-то мысли, принесённой из подземелья. Потом увидел девушек.

Он снял Нану с сестры одним движением. Она ударила его по лицу, оставив царапину. Чико перехватил её запястья.

— Хватит.

Нана вырывалась. Буль поднял Даяну, но ноги её подогнулись, и он снова усадил её у стены.

Чико удерживал Нану, пока она не перестала бросаться вперёд. Отпустил и загородил собой скамью.

— Ещё раз тронешь — будешь иметь дело со мной.

Нана поправила волосы. На него она посмотрела с ненавистью, на сестру — гораздо спокойнее. Даяна знала этот спокойный взгляд.

В доме хлопнула дверь.

Чико присел перед девушкой.

— Дышишь?

Она кивнула.

— Тогда ешь.

Он протянул хлеб. Она не взяла.

— Позже, — сказал Буль.

Чико положил хлеб ей на колени и поднялся. Ужин ждал в машине, вино было открыто, день работы закончился. Надо было вернуться к своему вечеру.

Но, усаживаясь рядом с Булем, он ещё раз посмотрел на скамью.

Даяна сидела совершенно прямо. Хлеб лежал там, куда он его положил.

Глава 4. У воды

Чико появился на свет без имени, пригодного для чиновников. Имя, которое он носил теперь, когда-то кто-то выкрикнул ему вслед, и оно прижилось. Фамилии у него не было. Это не мешало ему считать себя человеком исключительным.

Внизу он работал по колено в воде. Знал, как звучит коллектор перед сильным дождём, какие лестницы держатся на двух болтах и где лучше не ставить ногу. Сырость проникала в сапоги, одежда на плечах становилась тяжёлой ещё до полудня. Он мечтал о поливочном шланге: та же вода, тот же труд, но над головой солнце.

Гобен отказался ужинать с ним.

— С вами? Нет.

Чико смотрел ему вслед, держа кусок колбасы.

— Вот тебе и братство.

Буль объяснил, что шланг означает положение. Чико спросил, что же тогда означает человек. Буль налил ему вина: на такие вопросы лучше отвечать после первого стакана.

Разговор свернул к Богу. Чико сообщил, что Бог задолжал ему пятнадцать франков. Трижды он покупал большую свечу. Просил работу наверху; потом жену; потом хотя бы однажды прокатиться в такси, как настоящий господин. Ничего не получил.

— Это честная проверка, — сказал он.

Отец Шевийон, подошедший во время его речи, выслушал до конца.

— А я могу помочь тебе с первым.

Чико оглянулся.

Священник написал несколько слов на карточке. Бриссак обещал содействие; нужно было прийти к начальнику службы с этой рекомендацией.

Чико прочёл карточку дважды.

— Шланг?

— Да, сын мой.

— Не называйте меня сыном. Я гражданин.

— Прекрасно. Гражданин мой, возьми ещё это.

В коробочке лежали два серебряных медальона. Чико хотел отказаться, но священник сказал, что это подарок человека, которому он спас жизнь. Такого объяснения оказалось достаточно.

На коробке сохранилась цена: пятнадцать франков.

Буль посмотрел на неё, потом на Чико.

— Долг вернул.

— Совпадение.

И всё же Чико сунул коробочку во внутренний карман осторожнее, чем собирался.

Пока они спорили, Даяна встала и ушла. Буль заметил это первым.

— Эй, маленькая, куда?

Она не обернулась.

Чико несколько мгновений смотрел на пустую скамью. Хлеб остался на ней. Он выругался, забрал свой пиджак и двинулся следом.

За церковью улица расширялась. Над булочной открывали окно: кто-то вытряхивал белую тряпку, и в тёплом воздухе запахло мучной пылью. На углу мальчишка продавал газеты. Мужчины останавливались, читали заголовки и говорили громче, чем требовалось. Чико прошёл мимо. Его занимала девушка в сером платке, которую он на каждом перекрёстке успевал разглядеть лишь на мгновение.

Даяна шла быстро. Она не знала, что сделает, когда придёт к реке. Знала только, что домой возвращаться нельзя.

У набережной потянуло водой и мокрым деревом. Внизу у причала скрипнула цепь. Баржа лежала в темноте, над её носом горел маленький огонь. Река несла запахи, отличные от тупика: ил, водоросли, угольный дым с судна. Здесь можно было сделать полный вдох, и именно это вдруг показалось Даяне невыносимым.

Она остановилась на мосту, положила ладони на парапет. Камень ещё хранил дневное тепло.

Чико увидел, как она наклонилась, и ускорил шаг.

— Отойди.

Она вздрогнула.

— Оставьте меня.

Он встал рядом, между ней и водой. Несколько секунд они слышали только плеск у опоры.

— Ты действительно хотела?

Она молчала.

Чико вытер ладони о брюки. С его прихода сюда прошла едва минута, а руки уже дрожали. Он рассердился на эту дрожь и на неё.

— Весь город большой, а тебе понадобилось именно сюда.

Даяна отступила от парапета.

— Не надо говорить со мной.

— Я и сам предпочёл бы ужинать.

Она посмотрела на него. Он отвёл глаза к воде и вдруг заговорил тише:

— Почему?

Даяна долго подбирала слова. Ей не хотелось объяснять незнакомому человеку ни Нану, ни дядю, ни своё унижение у церковной стены.

— Я больше не могу.

— Из-за сестры?

Она покачала головой, потом кивнула.

— И из-за неё тоже.

Он дождался.

— Когда единственный человек, который тебя любил, смотрит на тебя и перестаёт любить... Вы не знаете, как это.

Чико подумал о мужчине, о ссоре, об обычной истории, которых Буль рассказывал десятки.

— Твой любовник?

— Дядя.

Она сказала это почти сердито. Чико принял поправку без улыбки.

— Узнал, как вы жили?

— Я сама сказала. Он прав.

— Кто знает.

Даяна подняла лицо.

Такого ответа она не ожидала. Всё происшедшее давно выстроилось у неё в один ряд: она призналась, дядя осудил, Нана наказала. Незнакомец вклинил между этими событиями два коротких слова.

— Ты не хочешь такой жизни? — спросил он.

— Нет.

— Значит, в тебе есть ещё что-то другое.

— Что?

Чико задумался. На этот вопрос готового ответа у него не было.

— Не знаю. Но есть.

Мимо прошла женщина с корзиной. От корзины пахло капустой. На середине моста она остановилась поправить груз, потом пошла дальше. Даяна следила за ней, удивляясь, что можно просто нести покупки и знать, куда придёшь.

Чико прислонился плечом к парапету.

— Я работаю в канализации. Ниже меня, пожалуй, некуда. Но я не считаю себя ничтожеством. Иногда чувствую себя королём. Безо всякой причины.

— Вы никого не боитесь?

Он хотел немедленно сказать «никого». Однако вспомнил, как бежал последние несколько шагов по мосту.

— Обычно — никого.

Она заметила эту заминку.

— Как вас зовут?

— Чико. Больше похоже на звук, чем на имя. А тебя?

— Даяна.

— Хорошее имя.

Её знобило. Чико снял пиджак и протянул ей. Она не брала.

— Это не навсегда. Мне он тоже нужен.

Тогда она надела его. Пиджак пах мокрой тканью, табаком и подземной водой. Рукава закрыли пальцы.

С набережной поднялся сержант с двумя женщинами. Даяна узнала его и попятилась. Он остановился, назвал её по имени.

— Пойдёшь с нами. Твоя сестра уже там.

Чико выпрямился.

— Зачем?

— Ей объяснят в участке. Не мешай.

Сержант спросил, где она работает. Даяна ответила, что швея, но места сейчас нет. Он взял её за локоть.

Чико показал карточку священника. Полицейский прочёл и вернул.

— Поздравляю. А девушка всё равно идёт со мной.

— Она порядочная женщина.

— Докажет, когда спросят.

Чико увидел, как Даяна сжалась под полицейской рукой, и заговорил прежде, чем успел подумать:

— Она моя жена.

Сержант отпустил её.

— Почему сразу не сказал?

Адрес Чико назвал уверенно: сорок восемь, улица Нотр-Дам-де-Лоретт. Про всё остальное он ещё ничего не знал.

Сержант обещал прийти утром и проверить. Женщины двинулись за ним. Шаги удалились, и Чико повернулся к Даяне.

— Вот теперь я погиб.

Она начала снимать пиджак.

— Я уйду. Вам больше не придётся...

— Не можешь ты уйти. Они придут, а жены нет. Прощай, шланг.

Он произнёс последнее с таким горем, что Даяна впервые за весь вечер подумала не о себе.

— Я останусь до проверки. Потом уйду. А про свадьбу можно сказать, что мы поженились в другой стране.

Чико посмотрел на неё заново.

— У тебя голова работает.

— А у вас сердце.

Она взяла его руку и хотела поцеловать. Он быстро отнял её.

— Этого не надо.

На обратном пути они шли рядом. У булочной Даяна остановилась: хозяин опускал ставни, и из последней открытой щели шёл запах остывающего хлеба. Чико купил два маленьких хлебца. Один положил ей в руку.

— Теперь ешь.

Она отломил кусок.

Он не торопил её. Дождался, пока она проглотит, и только потом пошёл дальше.

Глава 5. Седьмой этаж

Буль не задавал вопросов. Он поглядел на Даяну в пиджаке Чико, на самого Чико и решил, что пока вопросов лучше не задавать.

— Заводи свою швейную машину, — сказал Чико.

— Она не машина, она больная.

— Значит, вылечи. Повезёшь меня домой. С женой.

Буль выронил заводную ручку.

Даяна испугалась, что сейчас всё обнаружится. Чико, однако, сам открыл ей дверцу и поддержал под локоть с такой важностью, что даже Буль отступил.

— Не принимай всерьёз, — шепнул Чико. — У нас договор.

Она кивнула. Ей очень хотелось, чтобы он больше этого не повторял.

Мотор запустился сразу. Буль оглянулся на церковь.

— Всё-таки действует.

— Едем! — приказал Чико.

Даяна сидела на краю продавленного сиденья. Под ногами лежал кусок старого коврика, кожа пахла пылью и бензином. С каждой неровностью кузов скрипел. Она придерживала пиджак на груди и старалась не касаться Чико, хотя места было достаточно лишь для того, чтобы касаться.

Он велел Булю сделать круг по городу.

— Сегодня я Банк Франции.

Извозчик хотел напомнить ему о плате, но взглянул на девушку и промолчал.

На больших улицах фонари горели чаще. Под тентами кафе сидели люди, перед которыми белели маленькие блюда. Официант пробежал между столиками, держа над головой поднос. В открытом окне кто-то играл на рояле; несколько тактов сопровождали такси, потом исчезли за поворотом.

Даяна смотрела на всё так, словно только сегодня приехала в Париж.

Она жила здесь много лет, но обычно видела город с тротуара, торопясь по чужому поручению. Теперь ей не нужно было продавать вещь, искать заработок, угадывать, сколько можно задержаться до возвращения. Можно было смотреть.

На площади пахло водой из фонтана. Возле пекарни — ванилью. У остановки омнибуса потянуло разогретой лошадиной шерстью, и Буль вдруг заговорил со своей машиной почти ласково.

— Вот, Элоиза. Твои родственники.

Чико засмеялся. Даяна посмотрела на него и тоже улыбнулась.

Такси продержалось дольше, чем ожидал хозяин. У площади Клиши оно наконец остановилось. Буль объявил, что это вполне естественный конец рабочего дня и всякое живое существо вправе отдохнуть.

Чико заплатил. Монеты он отсчитывал, отвернувшись от Даяны. Она поняла, что поездка стоила ему дорого.

До дома шли пешком. Уличная торговка поливала ступени из ведра, смывая в лоток рыбью чешую. Даяна подобрала длинные рукава. Чико показал на дом впереди.

— Сорок восемь.

В подъезде пахло капустой, свечным салом и влажной штукатуркой. Лестница была узкой. На площадке первого этажа кто-то оставил детскую коляску, над ней сушились пелёнки. Выше дверь приоткрылась, и женщина спросила Чико, не видел ли он её кота.

— Если увижу, пришлю к вам с визитной карточкой.

Женщина посмотрела на Даяну. Та опустила глаза.

Чико шёл впереди и замедлял шаг незаметно для себя. На третьей площадке Даяна остановилась. Всё тело болело; воздух проходил через ушибленное горло с трудом.

— Уже устала?

— Нет.

Он не стал спорить. Прислонился к перилам, словно сам хотел передохнуть.

— Тут все сначала думают, что я их обманул. Комната наверху, а наверху всё нет.

На пятой площадке они миновали сапожную мастерскую. Даже сквозь закрытую дверь чувствовались клей и кожа. На шестой запахи дома начали ослабевать. Откуда-то тянуло прохладой.

Последний пролёт был круче остальных. Даяна придерживалась за стену. Чико нашёл ключ, отпер дверь и отошёл.

Она вошла.

Сначала увидела печку, стол и единственный стул. Потом кровать под скатом крыши, таз на табурете, сковороду на гвозде. Над комодом висела цветная картинка с генералом. Пустая проволочная клетка стояла у окна.

Чико быстро оглядел комнату вслед за ней. То, что ещё утром казалось ему вполне достаточным, вдруг потребовало объяснения.

— Стул крепкий. Только на задние ножки не откидывайся.

Даяна подняла голову.

Над ними было окно в крыше. В нём виднелось тёмно-синее небо и часть соседней трубы. Ни решётки, ни чужой стены перед стеклом. Только воздух.

Она подошла к другому окну. Чико открыл его. Подоконник был высок; он показал ей ступеньку.

Внизу лежали крыши. Листы металла ещё отдавали дневное тепло, но ветер уже пах остывающим городом. Дым из трубы шёл в сторону, растягиваясь над слуховыми окнами. Дальше, над Монмартром, белели купола.

— Отсюда можно дойти до Гобена, — сказал Чико. — Только сама ночью не вздумай. Там водосточный желоб плохо держится.

Даяна не ответила. Она впервые стояла выше окон, в которых жили другие люди.

— Семь этажей, — сказал он. — Вот моё седьмое небо.

Она осторожно положила пальцы на подоконник.

— Да.

Он принёс воду. Показал, где мыло, достал чистую тряпку. Она посмотрела на его руки: возле ногтей темнела въевшаяся грязь, на запястье белела старая отметина. Эти руки сегодня сняли Нану с её горла, удержали возле воды, положили хлеб ей в ладонь.

— Вы можете отвернуться?

— Я выйду.

Он вышел на крышу. Даяна слышала, как он переговаривается с кем-то за стеной. Потом всё стихло.

Вода в тазу быстро потемнела. Даяна умылась, осторожно промыла царапину у виска. Сняла платок, расправила его на коленях и увидела, как сильно запачкан край. Ей стало стыдно перед чистой, хотя и старой наволочкой.

Когда Чико вернулся, она сидела возле стола.

— Я могу спать здесь, — сказала она, указывая на пол.

Он посмотрел вниз, словно впервые заметил пол.

— Кровать для этого удобнее.

— А вы?

— У Шарло есть место. Он будет рад, если я составлю ему компанию. Он разговаривает даже во сне.

Чико положил на стол оставшийся хлеб, придвинул кружку.

— Завтра полиция. Расскажем одно и то же. Бельгия, решила ты?

— Можно Бельгию.

— Хорошо. Только не называй город, если не знаешь. Я тоже не знаю.

Она впервые тихо засмеялась. Он посмотрел на неё с удивлением, но не стал ничего говорить.

У двери ему пришлось поискать слова.

— Ключ вот. Повернёшь изнутри. Утром постучу.

Даяна сжала ключ в ладони.

— Вы вернётесь?

— Здесь мои вещи.

Она кивнула. Ему стало неловко.

— И завтрак, надеюсь, тоже будет здесь.

— Будет.

Он ушёл.

Даяна заперла дверь, прислонилась к ней и некоторое время слушала. На лестнице удалялись его шаги. Внизу плакал ребёнок. Кто-то передвигал мебель, потом захлопнулось окно.

Она осторожно разделась и легла. Подушка пахла мылом и табаком. Сквозь окно над головой виднелась звезда.

Сон долго не приходил. Даяна всякий раз просыпалась от собственного движения, ожидая окрика. На третьем или четвёртом пробуждении она вспомнила про ключ.

Протянула руку к стулу, где он лежал.

И снова уснула.

Глава 6. Луковый суп

Первое утро началось с голубя. Он прошёл по металлическому подоконнику, постучал когтями и заглянул в комнату.

Даяна открыла глаза. Несколько мгновений потолок над ней казался чужим, затем она увидела клетку и вспомнила всё. Встала тихо, хотя больше некого было будить.

Чико постучал, как обещал. Принёс хлеб и молоко. Волосы его ещё стояли после сна.

— Шарло храпит, — сообщил он. — Я передумал считать его другом.

Даяна поставила воду на печку. Ей хотелось сделать что-нибудь полезное до его прихода, но она не знала, где лежат спички. Теперь Чико показал ей каждый ящик и гвоздь. Он делал это обстоятельно, с серьёзностью хозяина большого дома.

Полиция не пришла.

К полудню Даяна вымыла посуду, вытерла стол, расправила одеяло. Под скатом крыши обнаружилась коробка со старой одеждой. Она спросила, можно ли подшить разошедшийся шов на пиджаке. Чико пожал плечами.

— Если он тебя беспокоит.

На следующий день он впервые вышел на работу со шлангом. Даяна видела его из окна: маленькую сверху фигуру, неподвижно стоявшую посреди улицы, пока вода размывала грязь вокруг сапог. Он поднял голову, но её не заметил. Она отступила от стекла, почему-то смущённая своей радостью.

Арлетт пришла ближе к вечеру. Принесла иголки, моток ниток и столько вопросов, что Даяна успевала отвечать лишь на каждый третий.

— И он сам уходит на ночь?

— Да.

— Вот дурак.

— Не говори так.

Арлетт посмотрела на неё, потом на застеленную кровать. Привычная насмешка исчезла с её лица.

— Хорошо, не буду.

По крышам явился Гобен. В дверях он стоял неловко, придерживая шляпу. Жена его была близка к родам, и ему хотелось спросить, не найдётся ли здесь какой-нибудь еды, которую она согласится съесть.

Даяна сварила немного супа. Лук сначала казался слишком резким, но на медленном огне смягчился; на дне кастрюли появилась сладковатая коричневая корочка. Она соскребла её ложкой, добавила воды и хлеба.

Гобен понёс миску через крышу обеими руками. Вечером пришёл поблагодарить.

— Ей понравилось.

Сказал он это таким голосом, что Даяна сразу пообещала сварить ещё.

К третьему утру комната приобрела новые запахи. Мокрая одежда по-прежнему висела у печки; табак никуда не исчез. Но теперь от стола пахло вымытым деревом, на подоконнике сохла тряпка, а под крышкой кастрюли медленно варился суп.

Чико задержался. Арлетт сидела на столе и болтала ногами. Они говорили о вчерашней прогулке: Чико после работы повёл Даяну смотреть ярмарку на Монмартре. Там он выиграл маленькую бумажную розу и настоял, чтобы их снял фотограф.

На жестяном снимке оба сидели очень прямо. Чико выглядел сердитым, потому что старался не моргать. Даяна спрятала снимок под платье.

— Снова о войне говорят, — заметила Арлетт.

Даяна перестала помешивать суп.

— Они всегда говорят.

— Вот и я думаю.

Гобен, пришедший за миской, уверил их, что цивилизованные страны уже давно должны были научиться обходиться без войны. Потом попросил при жене этой темы не касаться.

Когда девушки остались одни, Арлетт спросила:

— А если полиция не придёт вообще?

Даяна посмотрела на дверь.

— Тогда я уйду сама.

— Куда?

Гобен говорил о фабрике в Лионе, где когда-то работала его жена. Там, возможно, нашлось бы место. Даяна повторила эти слова как готовый ответ, но ни вокзала, ни дороги, ни города Лиона представить не смогла.

После ухода Арлетт она взяла пиджак. Шов был почти готов. Подкладка кое-где истёрлась; нитку приходилось протягивать осторожно, чтобы не порвать ткань. Она прижала пиджак к щеке и сразу отняла: дверь могли открыть.

Вместо Чико пришёл Буль.

Он принёс с собой запах улицы, нагретого мотора и вина. Поглядел в окно на крыше, похвалил небеса, сел.

— Нана вышла, — сказал он после первого глотка.

Игла осталась в ткани.

Бриссак помог освободить её. Теперь Нана требовала, чтобы сестра вернулась. Булю пришлось обещать передать.

Даяна встала и проверила, закрыта ли дверь.

— Скажи мужу, — посоветовал он.

— У меня нет мужа.

Буль поставил стакан.

Она объяснила всё. Три дня ожидания, чужую комнату, ночи у Шарло. Извозчик слушал, медленно растирая большим пальцем край стола.

— Любишь его?

Она кивнула.

— Тогда я поговорю.

— Не надо. Пожалуйста. Он и так дал мне всё, что мог.

Буль хотел возразить, но услышал свист на лестнице. Даяна быстро поправила волосы, спрятала пиджак за спину, потом снова положила на стул: незачем было прятать шитьё.

Чико вошёл с большой коробкой. На нём была чистая рубашка, за ухом торчала белая роза.

— Почему тебя так долго не было? — спросил Буль.

— Доказывал, что родился.

Он положил коробку на стол. Чиновники, оказывается, не находили его в книгах. Чико предъявлял им себя, но этого было недостаточно. Пришлось несколько раз объяснить, что человек такого размера не мог возникнуть прямо у них в канцелярии.

Буль начал смеяться раньше конца рассказа.

— И доказал?

— Вот бумага. Теперь они уверены.

Чико достал сложенный лист.

— В одиннадцать нас поженят. Ты отвезёшь.

Даяна отпустила край пиджака. Он упал на пол.

Никто некоторое время не заметил.

Глава 7. Один и один

Буль отдал Чико часы с цепочкой. Чико попробовал отказаться.

— Они золотые.

— Тем лучше.

— Дорогой подарок.

— Мне даром достались.

Извозчик ушёл бриться, менять рубашку и приводить Элоизу в чувство. Обещал вернуться вовремя. В дверях он так широко улыбнулся Даяне, что она не смогла ответить: губы дрожали.

Чико развязал коробку. Внутри лежали светлое платье и несколько вещей, которые он выбирал, по-видимому, в состоянии большой нерешительности. Платье оказалось сложено неровно; сбоку торчал продавщицын ярлык.

Даяна провела пальцем по ткани.

— Вы правда хотите?

Чико зажёл трубку. Спичка потухла, он взял другую.

— Конечно.

— Почему?

— Мы уже договорились.

— Это был другой договор.

Он сел. Даяна стояла перед ним, не глядя на коробку. Он думал, что покупка всё объяснит, а оказалось, что объяснять только предстоит.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала в Лион.

Она присела напротив.

— Вам меня жалко?

— Да нет же.

Чико произнёс это слишком громко. Во дворе кто-то позвал ребёнка, затем слышно стало, как шипит суп у края кастрюли.

— Хоть одно слово, — попросила Даяна. — Чтобы я знала, что вы женитесь не из жалости.

Он снял трубку с губ.

— Мне трудно говорить такие вещи.

— Попробуйте.

Чико посмотрел в окно, на стол, на сковороду. Всё это годами стояло на своих местах и никогда не требовало признаний.

— До нашей встречи... — начал он и замолчал.

Даяна ждала.

— До нашей встречи я был один. Ты тоже. Теперь у нас одна судьба.

Она сжала пальцы под столом.

— Правда?

Он обрадовался, что наконец нашёл объяснение.

— Простая арифметика. Один и один — один.

Даяна засмеялась сквозь слёзы. Чико в ужасе подался вперёд.

— Ты сама попросила, а теперь плачешь.

Она покачала головой.

Он коснулся своей груди, потом протянул руку к ней, затем обвёл комнату.

— Чико. Даяна. Небо.

— Скажи ещё раз.

Он повторил, уже тише.

Даяна подвинулась ближе. Теперь он мог не искать продолжения: она положила руку на его колено, и это избавило его от необходимости объяснять остальное.

Через минуту Чико поднял голову.

— Что так пахнет?

Она засмеялась по-настоящему.

— Луковый суп.

Он подошёл к печке, взял ложку.

— Значит, решила околдовать меня едой.

— Это мадам Гобен.

Чико замер с ложкой. Суп пришлось вернуть в кастрюлю.

Она подала ему зашитый пиджак. Он долго рассматривал шов. Никто прежде не чинил его вещи с таким терпением, хотя он и не собирался в этом сознаваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.